

А.Е. Богданович

**Пережитки древнего
миросозерцания у белорусов**

Этнографический очерк

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

A11 **А.Е. Богданович**
Пережитки древнего миросозерцания у белорусов: Этнографический очерк /
А.Е. Богданович – М.: Книга по Требованию, 2021. – 194 с.

ISBN 978-5-4241-6668-6

ISBN 978-5-4241-6668-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О Т Ъ А В Т О Р А .

Первоначально пастоящій очеркъ былъ помѣщенъ въ *Научномъ Обозрѣннн* за 1894 годъ; здѣсь онъ является въ значительно дополненномъ видѣ. Этнографическіе матеріалы, вошедшіе въ него, собраны, главнымъ образомъ, въ центральной Бѣлоруссіи — въ уѣздахъ: Борисовскомъ, Игуменскомъ, Минскомъ, Слуцкомъ и Новогрудскомъ Минской губерніи, Сѣпновскомъ и Оршанскомъ — Могилевской и Дѣпельскомъ — Витебской. Приводимые здѣсь пережитки древняго міросозерцанія и быта, въ большинствѣ случаевъ, общи всей этой мѣстности. Это особенно относится къ пережиткамъ міросозерцанія, къ суевѣрнымъ воззрѣніямъ на внѣшній міръ и природу человека, къ разнымъ повѣріямъ и предрасудкамъ: они почти всюду въ этомъ районѣ сохраняются въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ. Пережитки древняго быта, застывшіе въ формѣ различныхъ обрядовъ и обычаевъ, болѣе измѣнчивы: нѣкоторые изъ нихъ свойственны только какой нибудь одной мѣстности; другіе распро-

страняются шире и иногда на значительную округу; третьи охватывают всю Бѣлоруссію и даже выходят за предѣлы ея. Самые распространенные изъ нихъ, оставаясь въ своей сущности, въ основѣ, одинаковыми или сходными, въ частностяхъ, смотря по мѣстности, болѣе или менѣе видоизмѣняются. Въ нашемъ очеркѣ мы касались обрядовъ постольку, поскольку въ нихъ замѣтно было отраженіе древняго міросозерцанія, и если описывали обрядъ, обычай, воззрѣніе, повѣріе, то старались, по мѣрѣ возможности, описывать его типично, внося въ описаніе все извѣстныя намъ характерныя особенности. Разумѣется, что это возможно было сдѣлать только въ такомъ случаѣ, когда въ нашемъ распоряженіи было нѣсколько записей одного и того же пережитка, когда мы его наблюдали въ разныхъ мѣстностяхъ. Тѣ же обряды, обычаи, повѣрія и суевѣрія, которые намъ встрѣчались только въ какой-нибудь одной мѣстности, мы отмѣчаемъ указаніемъ на эту мѣстность. Это, конечно, по значить, что они свойственны только этой мѣстности; можоть быть они «бытуютъ» и въ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи, но мы не имѣли случая или возможности наблюдать ихъ. Большинство заговоровъ, приводимыхъ здѣсь, записаны въ одной запахарской семьѣ, гдѣ они, передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе, составляя, такъ сказать, фамильную собственность.

III

Всѣ записи матеріаловъ сдѣланные лично авторомъ; наблюденія производились и накапливались имъ много-долго, такъ какъ авторъ, будучи уроженцемъ Бѣлоруссіи, нѣкогда самъ переживалъ описанные имъ пережитки; а затѣмъ, живя подолгу въ разныхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи и будучи по своимъ служебнымъ занятіямъ близко поставленъ къ народу, имѣлъ возможность пополнять свои наблюденія.

Для выясненія и освѣщенія нашихъ матеріаловъ, мы пользовались, главнымъ образомъ, слѣдующими сочиненіями: Спенсеръ: Основан. Соціологіи, Тэйлоръ: Первобытн. культура, Бокль: Истор. цивилиз. въ Англіи, и статью Л. Мечникова: Культурное значеніе демонизма (Дѣло, 1879 г.). Мы не пытались все объяснить въ приводимыхъ матеріалахъ; мы заботились болѣе всего о полнотѣ записей; но предназначая первоначально нашу работу для общей печати, мы не считали возможнымъ выпустить одни сырые матеріалы, безъ всякаго объясненія ихъ и освѣщенія.

А. Б.

ВВЕДЕНИЕ.

Бѣлорусскіе крестьяне, истолковывая по своему выраженію „западный край“, — выраженію чуждое бѣлорусской рѣчи, — передаютъ его словами „западный край“, т. е. заброшенный, захудалый. Хотя съ филологической точки зрѣнія можно многое возразить противъ такого вольнаго перевода, но дѣйствительность его оправдываетъ. И жизнь бѣлорусса, и его творческая дѣятельность рѣзко отмѣчены печатью неразвитости, отсталости, забитости. Именно „западный“ край, „западный“ народъ...

Взять хотя бы бѣлорусскія пѣсни, это общепризнанное зеркало народной души. И онѣ свидѣтельствуютъ о той же „западности“. Пѣсень у бѣлоруссовъ довольно много, но содержаніе ихъ очень бѣдно, очень однообразно. Особеннымъ однообразіемъ отличаются тѣ изъ нихъ, которыя посвящены изображенію горькой доли замужней женщины. А пѣсень этого рода большинство: онѣ заполняютъ, нисколько не преувеличивая, двѣ трети всего пѣсеннаго матеріала. Это безконечная варіація на тему о побояхъ мужа, свѣкра, о преслѣдованіяхъ

ёвекрови, злѡбѣ золовокъ; къ этому господствующему мотиву присоединяется тоска по роду-племени и взрѣдка чувство ревности или мести къ злой разлучницѣ. Но вы не встрѣтите въ нихъ выраженія болѣе сложныхъ или болѣе тонкихъ чувствъ. Нѣтъ въ нихъ и помина о томъ разнообразномъ проявленіи нѣжной любви, которая такъ разлита въ малорусскихъ пѣсняхъ. Напротивъ, въ средѣ бѣлоруссовъ обращается множество пѣсенъ и припѣвокъ самаго безстыднаго содержанія. Ихъ распѣваетъ старъ и младъ, мужскій и женскій полъ,—распѣваетъ, не стѣсняясь, какъ нѣчто совершенно обыкновенное. Впрочемъ, къ чести бѣлоруссовъ нужно сказать, что эти остатки пріаическихъ культѡвъ свидѣтельствуютъ не о развращенности нравовъ, а скорѣе о крайней грубости ихъ. Въ пѣсняхъ же обрядовыхъ и бытоваго содержанія нѣтъ того могучаго лиризма, свидѣтельствующаго о силѣ и свѣжести чувства, который такъ выгодно отличаетъ великорусскую пѣсню; почти всѣ онѣ блѣдны, стывочны, невыдержаны, отзываются какой-то пришибленностью творчества, духовной бѣдностью. Форма ихъ неизящна, мало выразительна, топорной работы, какъ говорится,—и въ этомъ отношеніи вполне соответствуетъ содержанію. Мелодіи ихъ, повидимому, еще бѣднѣе содержанія: въ Бѣлоруссіи часто цѣлый отдѣлъ пѣсенъ поется на одинъ мотивъ. Мотивы же построены по такъ называемой *китайской гаммѣ*,—безъ полутоновъ; и кромѣ того—лишены *подголосковъ*, то-есть при хоровомъ исполненіи поются въ унисонъ, не образуя гармоніи. Веселые напѣвы сравнительно рѣдки; большинство же до

последней степени однообразно-заумны, такъ что нѣводятъ щемлящую тоску даже и на привычнаго слушателя. Былинная поэзія совершенно отсутствуетъ. Бѣлоруссъ или вовсе не принималъ участія въ созданіи того цикла эпическихъ образовъ, къ которому принадлежатъ старшіе и младшіе богатыри кіевскаго періода, или если и принималъ, то совершенно забылъ о существованіи своихъ дѣтвищъ. Также нѣтъ въ Бѣлоруссіи ничего соответствующаго украинскимъ казацкимъ думаемъ.

Бѣлорусскія сказки опять таки, хотя и многочисленны, но какъ и пѣсни, бѣльны по содержанію: одна повторяетъ другую. Фабула ихъ, въ большинствѣ случаевъ, крайне незамысловата, изображаемая чувства чрезвычайно просты, воззрѣнія на вѣдншій міръ очень наивны.

Обряды, сопровождающіе жизнь бѣлорусса отъ колыбели до могилы, — эти окаменѣлости прошлой дѣйствительности: — или крайне дикы съ точки зрѣнія цивилизованнаго человѣка, или грубо фетишистичны. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ они свидѣтельствуютъ о сравнительно невысокомъ уровнѣ умственнаго развитія.

Объ этомъ также свидѣтельствуетъ лучшее шѣрло духовнаго развитія народа — его языкъ. Какъ извѣстно, большее или меньшее развитіе языка соответствуетъ большому или меньшему интеллектуальному развитію, потому что, если возникаютъ въ сознаніи человѣка понятія, идеи, образы, — вслѣдъ за тѣмъ неизбѣжно является потребность выраженія ихъ въ словѣ. Отсю-

да языкъ, подобно зеркалу, отражаетъ тѣ душевныя движенія, которыя испыталъ народъ на пути своего развитія, высоту выработанной имъ культуры, высоту полета его мысли, степень ея отвлеченности и пр. Но бѣлорусскій языкъ, прежде всего, небогатъ словами. Нѣкоторая часть ихъ заимствована изъ польскаго языка, а въ послѣднее время, между молодымъ поколѣнiемъ, довольно широко входятъ въ обращеніе русскія слова. Онъ также бѣденъ формами выраженій и формами рѣчи; такъ напримѣръ, въ немъ нѣтъ причастныхъ формъ, исключая дѣепричастія прошедшаго времени. Онъ гораздо бѣднѣе словами для обозначенія отвлеченныхъ понятій, чѣмъ великорусскій пародный языкъ, и даже уступаетъ въ этомъ отношеніи малорусскому. Онъ также не обладаетъ гибкостью, силой и выразительностью перваго и мягкостью, благозвучностью послѣдняго. Словъ, соответствующихъ русскимъ существительнымъ съ окончаніемъ на *іе*, *ость* и *есть*, въ немъ чрезвычайно мало; заимствованныя же изъ русскаго языка обращаются только среди грамотниковъ, побывавшихъ въ школѣ или въ военной службѣ, а въ среду стараго поколѣнія, а также въ деревни, отдаленныя отъ школы и, слѣдовательно, лишеныя ея просвѣтительнаго вліянія, проникаютъ весьма мало или даже совсѣмъ не проникаютъ.

Среди бѣлоруссовъ почти не сохранилось историческихъ сказаній, такъ какъ этотъ народъ нѣсколько вѣковъ не жилъ исторической жизнью. Отсюда понятно, что въ немъ заглохло и національное самосознаніе. Только въ послѣднее время оно начинаетъ

пробуждаться: подъ живительнымъ вліаніемъ школы и церкви въ бѣлоруссахъ возраждается сознаніе о своей принадлежности къ великому русскому племени. Но даже и теперь есть немало бѣлоруссовъ, которые подъ словомъ „рускіе“ разумѣютъ старовѣровъ, издавна живущихъ въ Западномъ краѣ. А если вы къ такимъ бѣлоруссамъ обратитесь съ вопросомъ — кто они такіе въ смыслѣ національности, то очень многіе вамъ только и могутъ сказать, что они „тутѣйшіе“, т. е. здѣшніе, или что они мужики, словно бы это ихъ национальное отличіе или словно бы только однимъ бѣлоруссамъ и свойственно быть мужиками. И къ вашему заявленію, что они русскіе или бѣлоруссы, они отнесутся довольно скептически: называй, дескать, какъ хочешь... Только въ отношеніи трудолюбія бѣлоруссъ не уступитъ ни великоруссу, ни малоруссу, а по выносливости превосходитъ того и другого. Но этого, конечно, мало, — и справедливость требуетъ поставить бѣлорусса по тѣлу душевнаго развитія ниже его братьевъ изъ великой русской семьи.

Чѣмъ объяснить такую сравнительно значительную отсталость?

Различіи между естественными условіями страны, въ которыхъ живутъ эти народы, хотя и наложили, конечно, нѣкоторый особенный отпечатокъ на духовный міръ своихъ обитателей, но эти различія не настолько велики, чтобы посредствомъ ихъ было возможно объяснить такую довольно значительную разницу. Объясненія нужно искать, по нашему мнѣнію, въ особенно-

стяхъ историческихъ условій существованія бѣлоруссовъ. Прежде всего, Бѣлоруссія издавна являлась своей интеллигенціи, этого свѣточа въ духовной жизни народа, его путеводительницы и насадительницы новыхъ идей въ массахъ. Она, какъ извѣстно, усвоила чужой языкъ и нравы, а потому стала вдвойнѣ непопулярной народу: новыя идеи сами по себѣ, въ силу своей новизны, трудно усваиваются, а выраженные на чужомъ языкѣ становятся еще болѣе недоступны. Но это еще полъ-горя: при благоприятныхъ обстоятельствахъ народъ могъ выдвинуть изъ своей среды новыхъ посетителей сокровищъ своего духа, — новую интеллигенцію, можетъ быть еще болѣе естественную, какъ вышедшую непосредственно изъ нѣдръ народа. Но бѣда въ томъ, что онъ былъ поставленъ въ такія условія, при которыхъ это было рѣшительно невозможно. Бѣлоруссія была весьма часто ареной опустошительныхъ войнъ, разорвавшихъ народъ, и тѣмъ обусловившихъ его отсталость и невѣжество, и развивавшихъ грубость нравовъ; а что всего важнѣе — она до такой степени была закрѣпощена помѣщиками, обязанности въ отношеніи къ этимъ послѣднимъ были такъ отяготительны, что на выполненіе ихъ расходовались все силы народа, такъ что у него не оставалось ни времени на размышленіе и обдумываніе, ни средствъ на обученіе, а безъ этого немислимо умственное развитіе.

Еще слышкомъ живы воспомнанія объ этомъ печальномъ времени и живы свидѣтели перенесшіе на своихъ плечахъ все его тягости. Въ любой деревнѣ вамъ сообщать массу невѣроятнѣйшихъ разсказовъ о